

ВОСПОМИНАНИЯ

Конст. КОНИЧЕВ

1. ВСТРЕЧИ С А. С. СЕРАФИМОВИЧЕМ

В 1924 году редакция Вологодской газеты «Красный Север» командировала меня, как селькора, на совещание рабкоров и селькоров «Правды». На совещание ехал еще, кроме меня, секретарь редакции губернской газеты Евсеев.

В Москве, на третий или четвертый день, Евсеев, сидя позади меня, тихо сказал:

— Обрати внимание: рядом с тобой сидит Серафимович...

— Какой Царяфимович? — не расслышав, переспросил я громче чем следует.

— Да ты потише, — шепнул Евсеев, — разве Серафимовича не знаешь? Дореволюционный писатель и автор нового романа «Железный поток».

— Не знаю. Не читал... — Всё же с любопытством я поглядел на соседа. Писатель Александр Серафимович — бритоголовый, с седыми бровями и подстриженными усами — поглядел на меня, деревенского парня, и, добродушно улыбаясь, проговорил, будто прочел по складам:

— Да, да, Ца-ря-фи-мо-вич...

Он был одет в поношенное драповое пальто; на жилистой шее — цветной мягкий шарф.

Помню, я, немного смутившись, робко сказал:

— В нашей волостной библиотеке пока еще нет вашего «Потока»...

— Получите, почитаете...

В эту самую минуту поднялся председательствующий и

внес предложение избрать в президиум присутствующего на совещании пролетарского писателя Серафимовича.

В голубом зале Дома Союзов рванулись аплодисменты.

«Хлопают, значит люди знают этого писателя, а я еще не дорос, почитать не удосужился...» — подумал я с обидой на самого себя; однако я был доволен, что мне посчастливилось парой слов перекинуться с живым, настоящим писателем, и тут же представил, как я вернусь в деревню, в избу-читальню, и расскажу мужикам о писателе, о его книгах и, конечно, не премину сказать: «С этим писателем в Москве я лично познакомился...».

Ему предоставили слово.

Серафимович рассказал о своей работе в газете «Правда» — о том, как в восемнадцатом году с сестрой В. И. Ленина — Марией Ильиничной Ульяновой он ходил на заводы и фабрики Москвы вербовать первых рабкоров «Правды»...

— А вот теперь передо мной на совещании двести передовых представителей от десятитысячной рабселькоровской партии!.. — сказал он, заключая этими словами свое выступление.

* * *

Разумеется, с должным вниманием я читал и перечитывал книги Серафимовича и, как избач-селькор, пропагандировал их среди деревенских читателей.

...Спустя годы, в Архангельском областном архиве я просматривал «Дело Архангельского губернатора о высылке Александра Серафимовича Попова». Просматривал как материал, как память о былых днях писателя, о днях, относящихся к началу его литературной деятельности.

Серафимович начал писать в ссылке, на дальнем Севере. Деятельность будущего писателя в бумагах охранки отражена довольно скупо. Из дела видно, что 26 июня 1887 года Архангельскому губернатору предписывается из Петербурга: «На основании постановления особого совещания, бывшего студента Петербургского университета, сына есаула, Александра Серафимовича Попова, обвиняемого в политической неблагонадежности, господин министр внутренних дел постановил водворить его на жительство в Архангельскую губернию под особый надзор полиции на 5 лет, считая срок надзора с 11 июня 1887 года...»

— В Мезень!.. Ни дна ему там, ни крыши! — решает архангельский губернатор. И студент Александр Попов, заподозренный в революционной деятельности и связях с Александром Ульяновым (казненным за попытку организовать покушение на царя), направляется в чахлую, цинготную, глухую Мезень, за

полярный круг, где летом не заходит солнце, а зимой незаметны сумрачные короткие дни — сплошная студеная ночь...

В шуме морских приливов и отливов предстала перед Серафимовичем слякотная, негостеприимная Мезень. Городок, основанный в 1500 году, имел в 1887 году ветряную мельницу, салотопню, овчинный завод и кузницу с общим количеством работающих по найму 14 пролетариев!.. Кроме того, в мезенской глухомани торчали три деревянные церкви. За частоколом ограды находилась тюрьма, и, разумеется, в городке был кабак...

В обывательских избах проживали ссыльные. Среди них известный в истории революционного движения организатор Орехово-Зуевской стачки рабочий Петр Анисимович Моисеенко. С ним сразу же сблизился Александр Серафимович Попов. Полицейские надзиратели доносили исправнику, что у Моисеенко и Попова есть два сундука книг и что эти ссыльные поют революционные песни...

В зимнюю пору Александр Серафимович пытливо изучал жизнь мезенских поморов-зверобоев. И под впечатлением личных наблюдений за промыслами, под вой дикой пурги, в тесном чердачном помещении он пишет первый удачный рассказ «На льдине».

Через год из Мезени заболевший Моисеенко переводится в Пинегу, немного южнее Мезени. С большим трудом Александр Серафимович добивается, чтобы и его вслед за Моисеенко перевели в Пинегу. Друзья опять вместе. В Пинеге от политических ссыльных товарищей они получили «Капитал» Маркса и стали его изучать. У книги такое солидное название, что сельской полиции трудно понять, вредная эта книга или полезная. Не заставишь же ссыльных читать евангелие!..

Держиморда, жандармский корнет Мочалов, запугивал пинезан:

— Упеку! Сгною в тюрьме, если будете слушать разговоры Моисеенко и Попова...

И доносил в губернское жандармское управление:

«П. Моисеенко. Знакомство имеет с ссыльно-политическими со всеми, кто находится в Пинеге. А с Поповым вместе работает столярные изделия. У Попова Моисеенко почти всё время бывает с утра до вечера, только сходит пообедать да ночевать, а остальное время всё у Попова.

Живет Попов (Серафимович) в доме мещанина Алексея Калинина, занимается столярным мастерством вместе с Моисеенко, имеет собственный верстак и инструмент. Знакомство ведет с политическими ссыльными, знаком еще с мещанами Васильем

Козьминым, Николаем Серебrenиковым и Александром Рогачевым».

Заканчивается дело сообщением о переводе ссыльно-политического Александра Серафимовича Попова на родину, в область войска Донского, под надзор полиции «до остатного срока» и справкой из Министерства внутренних дел о том, что «отобранная при обыске книга сочинений Лассалья возвращена ему быть не может, так как принадлежит к числу запрещенных...»

* * *

Прошло с тех пор более полувека. Талантливый писатель многое сделал за этот срок.

Через 52 года после ссылки на север писатель решил побывать в Архангельске. Он приехал 14 февраля 1941 года. Осматривал изменившийся город, ездил на заводы, посещал вузы. Однажды, проходя по проспекту Павлина Виноградова, он спросил меня, показывая на двухэтажный покосившийся дом:

— Подвал есть тут?

— Есть. Там архивы хранятся.

— А полвека назад там клопов было — прямо ужас!..

Оказывается, несмотря на соседство новых домов, построенных за последние годы, писатель узнал то самое здание, где он отсиживался под арестом у жандармов в ожидании справки в ссылку в Мезень.

— Сколько теперь населения в Архангельске? — спрашивал Серафимович.

— Триста тысяч.

— А в ту пору, я помню, было около пятнадцати. В двадцать раз вырос Архангельск. Разве узнаешь его?! А вот этот дом я запомнил. Сильны были впечатления первых дней ссылки в места не столь отдаленные...

В номере гостиницы я рассказал Серафимовичу, что описанный в первом его рассказе мезенский зверобой Сорока умер в 1930 году.

— Вот как! Крепок был, долгонько жил, — удивился Серафимович.

Я в ту пору был ответственным секретарем Архангельского отделения Союза писателей. С Александром Серафимовичем встречался ежедневно, пока он гостил в Архангельске. Несколько раз бывал с ним на собраниях читателей. Меня он дважды заставлял прочесть ему что-либо свое, написанное. Я стеснялся. Всё же я решил прочесть кое-что из своей книжки о пограничнице Андрее Коробицыне и «Деревенской повести», над которой

я тогда работал. Серафимович внимательно и терпеливо слушал, а потом сказал по поводу очерка о Коробицыне:

— Просто рассказано. И верится. Такое, сидя в Москве или бегая там же по заседаниям, не написать. Вы знаете, о чем пишете. Чувствуется, что Коробицын — ваш земляк и сверстник. Хорош парень!..

Вслушав несколько глав из «Деревенской повести», Александр Серафимович отозвался также одобрительно и поощрительно:

— Э-э, дорогой брат по перу. Вот это добро. Пишите, пишите. И ничего не выдумывайте. Получится интересный человеческий документ из быта вологодской деревни. Читатели будут довольны. Вы бытовик и пишете, сначала удостоверившись, так ли это было. Неплохая традиция. Писатели и читатели бывают разные. Будьте сами собой. Найдите себя и упрочьтесь. Нет таких писателей, даже самых наилучших, чтобы каждому грамотному понравиться. Да и плохо бы это было. Стандартизация!..

Тогда же А. С. Серафимович подарил мне три свои книги, учинив на них на каждой надпись. На одностомнике, бережно мною хранимом, старческим почерком выведено: «Конст. Ив. Коницеву, товарищу по литературной работе, чтоб не забывал. А. Серафимович. 19 февраля 1941 г.».

Такое не забывается!..

В Архангельске писатель выступал с воспоминаниями перед многочисленными аудиториями читателей — рабочих, студентов, служащих. Он не читал своих произведений, а только рассказывал о своих жизненных наблюдениях. Больше всего делился воспоминаниями о своих встречах с писателями. О Короленко он говорил:

— Громаднейший талант и честнейшей души человек. Невольно вначале я подражал ему, а потом понял: копия всегда хуже оригинала. Надо писать по своему умению и развивать это умение.

Вспоминая, как он входил в писательскую среду, Серафимович рассказывал:

— Пригласили меня на вечеринку к Леониду Андрееву. Стеснялся, думаю — как да что... А Леонид — чудеснейший товарищ, искренний. Горький тут был. Впервые встретились. Подошел ко мне, протянул руку, отрекомендовался: «Горький из Нижнего Новгорода» — и повел меня знакомить с писателями, а на вечеринке их было человек девяносто. Слышу, и меня признали писателем... — Серафимович помолчал, что-то припоминая или же нащупывая нить оборвавшегося разговора, и продолжал:

— Андреев был очень талантлив, но писал упадочные вещи. Раздвоенный был... Куприн мне казался расшатанным богом. Но смелый писатель. «Поединок» — его самая сильная повесть. Удивляюсь, как цензура не зарезала. Без таланта, честности и смелости такую книгу не написать. Но в личном быту — это был анархист и невыносимый человек. К семье относился как-то чудовищно — то дьявольски груб, то ангельски нежен... Знал я Шмелева; замечательная повесть у него есть «Человек из ресторана». Но этот писатель эмиграции превратился в продажного хама. Почему такое случилось? Да, многие писатели конца прошлого и начала этого века были выходцы из мелкой буржуазии, колебались между буржуазией и рабочими, не чувствовали под собой устойчивой почвы. Горький отбирал лучших и группировал вокруг издательства «Знание»...

Из современных писателей с большой отцовской любовью и восхищением Александр Серафимович говорил о М. Шолохове:

— Хорош земляк, хорош казак!.. А ведь начинал нелегко. Его первую книгу «Тихий Дон» вредители в литературе даже читать не хотели!.. Клеветой, сплетнями человека намеревались с ног сбить. Другой бы расстроился, упал духом. Нет. Не таков Шолохов. Преодолеl преграды. Пошел казак в гору!..

Однажды во время нашего разговора вошел в номер гостиницы подтянутый, стройный офицер из Дома Красной Армии. Он пригласил автора «Железного потока» на вечер встречи с офицерским составом. Серафимович не спеша стал собираться. Глядя на офицера, говорил:

— Хороши у нас молодцы в армии. Да, хороши... Придется им повоевать, придется... Фашизм навяжет нам войну. — И вдруг не по-стариковски бодро тряхнул головой, сказал: — А Гитлера-то все-таки наши бойцы повесят!.. Вы его повесите, вы!..

Это было сказано за четыре месяца до нападения на нас гитлеровской Германии.